

УДК 159.922

Мохаммад Акбар А.Т., Гуляева Т.О., Василенко В.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Проявления подросткового кризиса и Я-концепция: кросскультурный аспект

Manifestations of Adolescence Crisis and Self-Concept: Cross-Cultural Aspect

Аннотация

Статья посвящена результатам кросскультурного анализа проявлений подросткового кризиса и Я-концепции у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков. Выборка: 119 подростков от 10 до 16 лет, учащиеся общеобразовательных школ в России. Из них 40 подростков афганской диаспоры в России (Москва, Санкт-Петербург), средний возраст – 12,5 лет, 15 мальчиков и 25 девочек, 21 младший подросток (от 10 до 12 лет) и 19 старших подростков (от 13 до 16 лет) и 79 российских подростков (Санкт-Петербург), средний возраст – 12,6 лет, 38 мальчиков и 41 девочка, 50 младших подростков и 29 старших подростков. Методы: опросник симптомов подросткового кризиса В.Е. Василенко, методика исследования представления о собственной взрослости О.В. Курышевой, К.Н. Поливановой, методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой и методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Методы математической статистики: Т-критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитни, регрессионный анализ. Результаты: выявлен сходный профиль кризисной симптоматики у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков с наиболее выраженными симптомами гиперкомпенсации и хобби-реакций. При этом симптомы кризиса у подростков афганской диаспоры выражены меньше. Кросскультурных различий в сформированности образа собственной взрослости у подростков не обнаружено. Выявлено сходство в дифференцированности Я-концепции и в образах Я у подростков – в обеих выборках наиболее представлены социальное, рефлексивное и деятельное Я. Материальное Я более выражено у российских подростков. По сравнению с российскими подростками у младших подростков афганской диаспоры более представлено социальное Я, а у старших – перспективное Я. У подростков афганской диаспоры выше самооценка авторитета у сверстников. Регрессионный анализ на всей выборке подростков афганской диаспоры показал, что подростковый кризис более выражен при более сформированном образе взрослости. У младших подростков афганской диаспоры кризис более выражен при более сформированном рефлексивном Я и при большей критичности самооценки уверенности в себе. На всей выборке российских подростков и у младших подростков предиктор кризиса – критичность самооценки характера (при низком проценте дисперсии). У старших подростков обеих выборок моделей не выявлено.

Ключевые слова: подростки, подростковый кризис, проявления кризиса, симптомы кризиса, образ взрослости, Я-концепция, идентичность, образ Я, самооценка

Abstract

The article demonstrates the results of a cross-cultural analysis of the adolescence crisis manifestations and self-concept in adolescents of the Afghan diaspora in Russia and Russian adolescents.

Sample: 119 adolescents aged 10 to 16, students of general education schools in Russia. Of these, 40 adolescents from the Afghan diaspora in Russia (Moscow, St. Petersburg, Mage = 12,5), 15 boys and 25 girls, 21 younger adolescents (10-12 years) and 19 older adolescents (13-16 years) and 79 Russian adolescents (St. Petersburg, Mage = 12,6), 38 boys and 41 girls, 50 younger adolescents and 29 older adolescents. Methods: adolescence crisis symptoms questionnaire by V.E. Vasilenko, method for studying the image of adulthood by O.V. Kuryшева and K.N. Polivanova, Twenty Statements Test by M. Kuhn and T.McPartland modified by T.V. Rumyantseva and method for self-esteem assessment by Dembo-Rubinshtein modified by A.M. Prikhodzhan. Methods of mathematical statistics: Student's t-test, Mann-Whitney U test, regression analysis. Results: a similar profile of crisis symptoms was found in adolescents of the Afghan diaspora in Russia and Russian adolescents with the most pronounced symptoms of hypercompensation and hobby reactions. At the same time, the symptoms of the crisis in adolescents of the Afghan diaspora were less pronounced. There were no cross-cultural differences among adolescents in the level of formation of the image of one's adulthood. A similarity was revealed in the level of differentiation of the self-concept and in the self-images in adolescents - in both samples the social, reflexive and active self were most represented. The material self was more pronounced in Russian adolescents. Compared to Russian adolescents, the younger adolescents of the Afghan diaspora had a more pronounced social self, while the older ones had a more pronounced perspective self. Adolescents in the Afghan diaspora had a higher self-esteem of authority among their peers. Regression analysis of the entire sample of adolescents in the Afghan diaspora showed that the adolescence crisis was more manifested along with a more developed image of adulthood. In younger adolescents of the Afghan diaspora, the crisis was more manifested along with a more formed reflective self and with a greater critical self-esteem of self-confidence. In the entire sample of Russian adolescents and among younger adolescents, the predictor of the crisis was the critical self-assessment of character (with a low percentage of variance). No models were found in older adolescents in both samples.

Keywords: adolescents, adolescence crisis, crisis manifestations, crisis symptoms, image of adulthood, self-concept, identity, self-image, self-esteem

Введение

Подростковый возраст – это период, в отношении которого многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными – есть расхождения в представлениях разных авторов о его длительности, о том, стабильный это период или критический, и о его основных новообразованиях.

Так, границы подросткового возраста часто определяют достаточно широко – от 10-11 до 18-19 лет, можно встретить периодизации, когда верхнюю границу поднимают и выше. В данном исследовании мы опирались на периодизации Д.Б. Эльконина, Е.Ф. Рыбалко и подход В.А. Аверина с выделением младшего подросткового (10-13 лет) и старшего подросткового возрастов (13-15 лет) (Аверин, 1998).

Изначально подростковый период рассматривали как кризисный в силу выраженности физических и психофизиологических изменений, так, например, С. Холл обозначал его как период «бури и натиска» (цит. по: Обухова, 2023). Начиная с работ Л.С. Выготского, подростковый период в целом принято рассматривать как стабильный, при этом кризисным является переход к нему, «кризис 13 лет» по Л.С. Выготскому или «кризис 11 лет» по Д.Б. Эльконину. К.Н. Поливанова предлагает назвать этот период в теории «предподростковым кризисом», но отмечает, что на практике он может затянуться, и в некоторых случаях весь подростковый период протекает как кризисный (Поливанова, 2000).

В период подросткового кризиса решается множество задач развития. К новообразованиям подросткового кризиса относят переход к формальным операциям, развитие понятийного мышления, появление рефлексии, выход на новый уровень произвольной саморегуляции, изменение интересов и мотивов, критичность самооценки, расширение временной перспективы. Центральным новообразованием кризиса считается появление чувства взрослости, которое связано с ощущением себя в новой роли и с желанием, чтобы другие воспринимали подростка как взрослого (Эльконин, 2012).

Чувство взрослости связано с изменением Я-концепции подростка, с выстраиванием новой идентичности. Под Я-концепцией понимают совокупность представлений человека о себе, сопряженную с их оценками. Введенное Э. Эриксоном понятие эго-идентичности подразумевает субъективное чувство непрерывной самотождественности. Я-концепция как познанный и осмысленный аспект Я и идентичность как самоотождествление представляют собой довольно близкие системы личности, связанные с ощущением границ Я и не-Я (Шаповал, 2019).

Часто Я-концепция и эго-идентичность рассматриваются как синонимичные понятия. На наш взгляд, понятие идентичности больше завязано на настоящее, так как оно собирает в единый узел образы из прошлого, настоящего и будущего. Второе отличие связано с тем, что Я-концепция – это собирание целостности Я из разных извлеченных из мира фрагментов, то есть, по сути, синтез, который дает уникальность Я. Идентичность больше связана с анализом, с причислением себя к разным общностям, принадлежности группам, то есть с приложением себя к миру.

Следует отметить, что оба эти конструкта субъективны и могут расходиться с видением человека окружающими. Так, Я-концепция человека может быть далека от того, как его воспринимают другие и по когнитивному, и по эмоциональному компонентам. Термин «идентичность» подразумевает нахождение человеком самотождественности во времени и в пространстве социальных ролей, но не предполагает тождественности представлений о себе представлениям других.

Я-концепция, по сути, является ядром личности, обеспечивающим ее целостность, интерпретацию жизненного опыта, выстраивание траектории жизненного пути. В связи с этим подчеркивается важность ее анализа при исследовании взросления подростков (Микляева, Рудыхина, Толкачева, 2023).

Современные исследования показывают дисгармоничность в сформированности разных компонентов Я-концепции подростков: когнитивном (образ Я), эмоциональном (самооценка / Я-реальное и уровень притязаний / Я-идеальное) и поведенческом (уровень субъективного контроля) (Жданов, 2020), а также различия в Я-концепции в связи с полом подростков (Esnaola et al., 2020).

Построение идентичности – это длительный процесс, он не всегда завершается и в юношеском периоде. С раннего подросткового возраста подростки начинают задаваться вопросами о себе, о своей личности, о своих ролях и своем месте в социуме, при этом 5-этапное лонгитюдное исследование голландских подростков от 12 до 20 лет показало, что 63% подростков остались в том же статусе идентичности (Meeus et al., 2010). Подростки постепенно начинают осознавать свою уникальность, самотождественность, а также преемственность во времени и ситуациях (van Doeselaar, Becht et al., 2018).

Значимыми областями идентичности у подростков являются образовательная и профессиональная сферы, сфера отношений, гендерная идентичность, этническая идентичность, религиозная идентичность. Их переплетение создает интегральную личностную идентичность (Branje et al., 2021). Личностная идентичность, в свою очередь, связана с социальной идентичностью, они влияют друг на друга и интегрированы в Я-концепцию (Crocetti, Prati, Rubini, 2018).

Содержание идентичности можно анализировать на 4 уровнях рассмотрения от самого широкого к более узкому: (1) исторический, культурный и политический контексты; (2) социальные роли; (3) пересечение разных областей личностной идентичности и (4) микроуровень – повседневные взаимодействия (Gallagher, McLean, Syed, 2017).

Широкий обзор эмпирических исследований с 2010 г. показывает, что формирование идентичности тесно связано с параметрами психосоциальной адаптации в разных культурах (Branje et al., 2021).

Так, в исследованиях японских и голландских подростков было обнаружено, что подростки со стабильными и сильными обязательствами в отношении идентичности в дальнейшем имеют более высокий уровень психосоциальной адаптации (Hatano, Sugimura, Schwartz, 2018; Meeus et al., 2010). Близкие результаты получены и на российской выборке – подростки с более высокой степенью выраженности показателей самопознания ощущают более высокий уровень психологического благополучия (Грибоедова, 2021).

Подростки с менее сформированной идентичностью и постоянным пересмотром альтернатив идентичности имеют экстернальные проблемы, повышенные риски агрессивного поведения (Crocetti et al., 2013; Becht et al., 2016, Morsunbul, 2015) и делинквентного поведения (Levey et al., 2019). Также подростки с сохраняющейся неопределенностью идентичности с большей вероятностью демонстрировали рост тревожности (Becht et al., 2016) и более высокий уровень одиночества (Kaniušonytė et al., 2019).

Лонгитюдные исследования в Голландии также показывают, что постоянная неуверенность в идентичности в подростковом и юношеском возрасте связана с развитием ряда проблем психосоциальной адаптации. Было выявлено, что более сформированная идентичность была связана с уменьшением негативных переживаний. При этом компонент идентичности, связанный с межличностными отношениями (обязательства в этой сфере), предсказывал относительное уменьшение депрессивных симптомов, а профессиональная идентичность – снижение стрессовых жизненных событий (van Doeselaar, Becht et al., 2018; van Doeselaar, Klimstra et al., 2018).

Есть данные о роли этнической и расовой идентичности для адаптации подростков: при сформированной этнической и расовой идентичности подростки характеризовались более высокой успеваемостью, самооценкой и

удовлетворенностью жизнью (Wantchekon, Umaña-Taylor, 2021). Также по данным метаанализа этническая и расовая идентичность выступает буфером от дискриминации (Yip et al., 2019).

При поиске ключевых механизмов изменения личности и обретения идентичности исследователи все чаще обращаются к теме нарративов (McLean, Pasupathi, 2012; van Doeselaar et al., 2020; Branje et al., 2021). Ю.Е. Зайцева отмечает, что Я-нарратив можно рассматривать как инструмент конструирования идентичности. Это повествование предполагает обращение к объективному миру фактов, к социальному миру норм и ценностей и к субъективному миру переживаний (Зайцева, 2016).

В этом контексте интересно исследование А.В. Микляевой, О.В. Рудыхиной и А.С. Толкачевой, где анализировалось содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости. Оно выявило большую детализированность актуального образа Я по сравнению с перспективным Я (независимо от личностной зрелости). При этом перспективное Я включает больше индивидуальных характеристик и меньше социально-демографических и обобщенных, что может указывать на осмысление подростками своего будущего. Подростки с высокой личностной зрелостью характеризуются большей интегрированностью в образы Я тех черт, которые связаны с объективными и субъективными признаками взросления (Микляева, Рудыхина, Толкачева, 2023).

Для построения идентичности важна идентификация с ролью взрослого. О.В. Курышева и К.Н. Поливанова с помощью сочинения на тему «Когда, в каких ситуациях я ощущаю себя взрослым» выявили стадийность в формировании образа взрослости у подростков. Развитие идет от внешне обусловленного, эмоционального описания «геройского поступка» с некоторыми элементами фантазии (тип 1 «Условный план действий – внешняя взрослость») к внешне заданным, но реальным действиям (тип 2

«Реальный план действий – внешняя зрелость»), затем к реальным поступкам, обусловленным уже внутренними, выработанными самостоятельно признаками зрелости (тип 3 «Реальный план действий – внутренняя зрелость») и, наконец, к целостному представлению о зрелости как единстве ответственности и самостоятельности (тип 4 «Условный план действий – внутренняя зрелость») (Курышева, 2000; Поливанова, 2000).

Следует отметить, что все эти внутренние процессы взросления сопровождаются изменением в поведении подростков. Типичные поведенческие реакции подростков, или симптомы кризиса показывают экспериментирование подростков в области ролевого поведения, что может создавать проблемы в отношениях подростков со взрослыми и сверстниками. Еще С. Холл поднимал тему трудновоспитуемости, конфликтности и эмоциональной неустойчивости в подростковый период. В российской психологии известна классификация поведенческих реакций подростков А.Е. Личко. Он выделял реакции имитации, оппозиции, эмансипации, группирования, гиперкомпенсации, хобби-реакции. Также к этим реакциям можно добавить аффект неадекватности (Рычихина, Василенко, 2018).

Разные подходы к рассмотрению подросткового возраста могут быть связаны и со спецификой той или иной культуры.

Показательна в этом смысле известная метафора Э. Шпрангера, разработавшего культурно-психологическую концепцию подросткового возраста, что этот период – это возраст «врастания в культуру». Он отмечал, что психическое развитие – это «врастание индивидуальной психики в объективный и нормативный дух данной эпохи» (цит. по: Обухова, 2023, с. 364). Перекликается с современными представлениями о подростничестве и идея Э. Шпрангера о разных типах развития, прохождения подросткового кризиса – последние годы все чаще поднимаются вопросы о разных траекториях взросления подростков и юношей (Twenge, Keith Campbell,

2018; Billari, Hiekel, Liefbroer, 2019; Микляева, Рудыхина, Толкачева, 2023), вводятся термины «стратегии взросления» (Безгодова, Микляева, Терещенко, 2018), «профили взросления» (Galanaki, Sideridis, 2019).

Для понимания природы взросления большую роль играют кросскультурные исследования.

Социокультурный контекст оказывает огромное влияние на чувство взрослости подростков. От этого контекста зависит образ взрослости, определенные культурные табу задают вектор исследования возможностей, направления самостоятельности подростков в то или иное русло.

Этот контекст важен для построения идентичности, нарративы идентичности формируются культурой, в которой живут подростки (Branje et al., 2021). Так, культура через ткань языка создает мир человека, все вокруг нас пронизано разнообразными символами.

К. Левин, как и Э. Шпрангер, отмечал, что многие проблемы подростков коренятся в том, что с наступлением отрочества им открывается мир идеального, мир культуры. Каждая культура, кроме табу, содержит и идеалы поведения, образы героев. Подростки могут остро ощущать несоответствие идеалам того, что им транслирует взрослый мир, в котором они находятся. Другими словами, они сталкиваются с проблемой выбора среди сложных и, порой, противоречащих друг другу мировоззренческих идей и ценностей (Психология современного подростка, 1987).

Постановка проблемы этнокультурной специфики протекания подросткового кризиса была сделана в получившей известность работе М. Мид «Взросление на Самоа» (1929) (Пономарев, 2009). Кросскультурные исследования М. Мид, Р. Бенедикт позволили сделать вывод о практически бескризисном характере периода пубертата в так называемых «примитивных культурах».

Основное объяснение этого феномена сводилось к тому, что западная культура противопоставляет ребенка взрослому, акцентирует разрыв между

ними и имеет размытый путь перехода от субкультуры детства в субкультуру взрослости. В то же время в «примитивных культурах» ситуация обратная – изначально ребенок больше включен в деятельность взрослого, но наряду с этим существуют обряды инициации, которые явно обозначают переход от детства ко взрослости.

И.В. Пономарев провел сравнительный анализ 2 типов культур: симпрактических (характерны для доклассовых обществ: первобытных и традиционных) и теоретических (характерны для обществ с развитой социальной и политической структурой, обладающих письменностью). В симпрактической культуре дети до 13 лет почти исключительно включены только в конкретные предметные и практические действия. Название второго типа культур связано с тем, что они все больше включаются в теоретическую деятельность, у них развиваются произвольность, абстрагирование, усложняются вербально-логические языковые средства. Школьное образование приводит примерно к 13 годам к качественным различиям в развитии смыслового уровня и психики в целом в теоретической культуре по сравнению с симпрактической. Кросскультурные исследования свидетельствуют, что отсутствие школьного обучения означает отсутствие или упрощение самосознания и самооценки, рефлексии, то есть значимых характеристик смыслового уровня сознания. И.В. Пономарев заключает, что все это должно сказаться на протекании подросткового кризиса в симпрактической культуре, в частности, на структуре и функциях динамических смысловых систем, образуемых подростком. Соответственно, основное новообразование подросткового кризиса – схизис (расщепление) носит культурно зависимый характер. В теоретической культуре схизис – ядро для разветвления и все усложняющейся иерархии в сознании и личности подростка, для формирования разнообразных динамических смысловых систем. В симпрактической культуре линия расщепления сознания и личности одна – детское поведение до инициации и взрослое – после. Таким

образом, ключевая социально-психологическая черта симпрактической культуры – редуцированный и почти полностью социально императивный характер схизиса во время подросткового кризиса (Пономарев, 2009).

В целом, подростковый кризис, в основном, изучался в условиях европейской культуры, именно в этом контексте создавались его основные концепции. Работ, где бы анализировалась этнокультурная специфика подросткового кризиса в рамках определенной теории психического развития, практически нет (за исключением упомянутого выше исследования И.В. Пономарева).

Если говорить о социокультурных факторах в целом, то интересен цикл международных исследований, целью которого было определение актуального уровня психологического благополучия подростков из разных стран постсоветского пространства и поиск путей его повышения. Так, в 1992-2008 гг. на различных экспериментальных площадках России, Украины и Киргизии проводился мониторинг уровня психологического благополучия современных подростков (Подольский, Карабанова, Идобаева, Хейманс, 2011). В результате были обнаружены три основные группы социальных и психологических переменных, связанных с изменением уровня психоэмоционального благополучия подростков: макросоциальные переменные (уровень социально-экономического благополучия семей подростков, учет социального контекста), мезосоциальные переменные (детско-родительские отношения в восприятии подростков, психологическое благополучие подростков, значимость различных жизненных событий) и индивидуально-психологические особенности подростков (личностные характеристики подростков, параметры их эго-идентичности, ценностные ориентации).

Данное исследование не затрагивало само протекание подросткового кризиса, было нацелено на результат его конструктивного разрешения – психоэмоциональное благополучие подростка.

Итак, кросскультурных исследований основных новообразований и симптоматики подросткового кризиса практически нет. В представленном исследовании сделан шаг в этом направлении, был проведен сравнительный анализ кризисных проявлений у подростков из разных этнокультурных групп – подростков из семей, приехавших в Россию из Афганистана, в сравнении с российскими подростками. Следует отметить, что в дальнейшем для краткости мы будем называть выборку подростков из семей, приехавших в Россию из Афганистана, подростками из афганской диаспоры в России. При этом важно учитывать, что в ее состав входят разные этнические группы Афганистана, такие как афганцы (пуштуны), таджики, узбеки, хазарейцы и другие.

Несмотря на то, что мы изучали подростков афганской диаспоры, проживающих в России, а не подростков в самом Афганистане, влияние культурных традиций Афганистана на подростков этой группы довольно существенно. В связи с этим, представим краткое описание социума в Афганистане.

Следует отметить, что Афганистан известен своим этническим разнообразием, официальными языками являются фарси (дари) и пушту, но распространены и другие языки. История Афганистана тесно переплетена с религией, при этом можно выделить 2 эпохи: до ислама и после ислама. В настоящее время ислам является господствующей религией в Афганистане, при этом наиболее распространен суннизм. Афганистан представляет собой традиционное и религиозное общество, духовенство имеет в нем высокий статус. Для понимания психологии подростков с корнями из Афганистана, важно учитывать большую роль религии и традиций в культуре этой страны, особенно ислама, воспитание в духе авторитета мулл и старших. Также важно учитывать гендерные особенности воспитания, связанные, прежде всего, с тем, что мужчине отводится намного более активная роль в социуме.

В настоящее время Афганистан опять стал достаточно закрытым обществом (Конаровский, 2017). Тем не менее, на примере близкого по культуре Ирана, можно отметить, что даже в исламских странах с сильными религиозными традициями меняется переход к взрослости, появляется тенденция удлинения психосоциального моратория, как и в других развитых странах (Hasani, 2019).

Следует также отметить, что подростки исследуемой выборки – подростки из семей мигрантов. В исследованиях проблем адаптации и интеграции мигрантов часто отмечают ряд проблем, характерных для детей и подростков. К ним относят стрессы, связанные со сменой места жительства и разрушением многих связей; кризис идентичности, рассогласование в системе ценностей и социальных норм; общую неудовлетворенность жизнью и собой; проблемы адаптации к системе образования; коммуникативные сложности, которые, в свою очередь, могут вызвать состояния отчужденности, тревожности, психической напряженности, агрессивности и конфликтности (Психологическая помощь..., 2002; Гриценко, Молчанова, 2010; Гриценко, Шустова, 2016). Однако в представленном исследовании принимали участие подростки, подавляющее большинство из которых родились уже в России, без ярко выраженного кризиса адаптации.

Целью исследования стал сравнительный анализ проявлений возрастного кризиса и параметров Я-концепции у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков, а также выявление предикторов подросткового кризиса на основе параметров Я-концепции и образа взрослости.

Гипотезы исследования: (1) у подростков афганской диаспоры в России, по сравнению с российскими подростками, подростковый кризис менее выражен (в силу традиционной культуры) и более выражено социальное Я, так как в другой культуре более важна социальная идентичность; (2) показатели Я-концепции и образ взрослости могут

выступать предикторами общей выраженности кризиса у подростков обеих исследуемых групп.

Вторая гипотеза была выдвинута на основе представлений о единстве конструктивной и деструктивной составляющей кризиса в концепции К.Н. Поливановой, на которую мы опирались в данном исследовании. Поведенческие проявления кризиса как проба нового поведения могут свидетельствовать и о внутренних процессах, связанных с процессом рефлексии, поиском своего нового Я и построением образа собственной взрослости.

Метод

Выборка: в исследовании приняло участие всего 119 подростков.

Первую выборку составили 40 подростков из афганской диаспоры в России в возрасте от 10 до 16 лет (средний возраст – 12,5 лет), 15 мальчиков и 25 девочек. По возрасту подростки были разбиты на 2 группы: младшие подростки (от 10 до 12 лет) – 21 человек и старшие подростки (от 13 до 16 лет) – 19 человек. Из 40 подростков 29 человек живут в г. Москве, 10 человек в г. Санкт-Петербурге и 1 подросток живет в г. Ростов-на-Дону. Все подростки данной выборки – учащиеся 5-10 классов общеобразовательных школ. Большинство из них родились уже в России, четверо родились в Афганистане, их семьи оказались в России, когда им было от 6 до 8 лет. В связи с этим, подростки, в целом, хорошо адаптированы и хорошо владеют русским языком, на котором предъявлялись все методики. Сбор данных проводился в смешанном формате (и очно, и дистанционно). Исследование проводилось в 2022-2023 гг.

Выборку российских подростков для сравнения составили 79 подростков в возрасте от 10 до 16 лет (средний возраст – 12,6 лет), 38 мальчиков и 41 девочка. По возрасту подростки также были разбиты на 2 группы: младшие подростки (от 10 до 12 лет) – 50 человек и старшие

подростки (от 13 до 16 лет) – 29 человек. Все подростки данной выборки – учащиеся 5-10 классов общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга. Исследование проводилось в 2017-2018 гг. (43 подростка, очный формат) и 2021-2022 гг. (36 подростков, дистанционный формат).

Таким образом, возрастной диапазон подростков в обеих выборках идентичен, средний возраст очень близок (12,5 и 12,6 лет), что позволило провести сравнительный анализ.

В качестве *психодиагностических методов* использовались: опросник выраженности симптомов подросткового кризиса В.Е. Василенко, форма для подростков (Психолого-педагогическое сопровождение одаренных учащихся, 2017), методика исследования представления о собственной взрослости О.В. Курышевой, К.Н. Поливановой, упомянутая выше (Поливанова, 2000), методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой (Румянцева, 2006), методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан (Практикум по возрастной психологии, 2008).

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 21. Применялись описательные статистики, для выявления кросскультурных и возрастно-половых различий: Т-критерий Стьюдента в части данных с нормальным распределением (симптомы кризиса и самооценка), критерий Манна-Уитни в части данных, где распределение не соответствовало нормальному (образ взрослости и образ Я), регрессионный анализ (пошаговый метод), где в качестве зависимой переменной выступал общий показатель кризиса, а в качестве независимых переменных – показатели образа взрослости и Я-концепции.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование выявило, в целом, сходный профиль кризисной симптоматики у подростков афганской диаспоры в России и

российских подростков. Так, наиболее выражен в обеих группах симптом гиперкомпенсации, который показывает стремление подростков преодолевать себя, добиваться успеха именно в той области, где есть проблемы. Гиперкомпенсация по содержанию амбивалентна, она может свидетельствовать как о позитивных тенденция (развитие воли), так и переходить в невротические формы. На втором месте находятся хобби-реакции и можно сказать, что в обеих группах достаточно выражена конструктивная составляющая кризиса (появление новых увлечений и интерес к внутреннему миру). В то же время выявлен ряд значимых различий в симптоматике подросткового кризиса у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков (таблица 1).

Таблица 1 – Проявления подросткового кризиса у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков по опроснику В.Е. Василенко

Симптомы кризиса (max=12)	Подростки афганской диаспоры в России (n=40)		Российская выборка (n=79)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Т-крит.	Знач.
Аффект неадекватности	4,30	2,95	5,86	3,04	-2,68	0,009
Реакция имитации	4,45	2,62	4,95	2,33	-	-
Реакция оппозиции	3,95	2,40	5,81	3,33	-3,15	0,002
Реакция гиперкомпенсации	8,20	3,22	8,37	3,55	-	-
Реакция группирования	4,60	2,39	5,42	2,66	-	-
Эмоциональная эмансипация	2,98	2,27	6,05	3,13	-5,52	0,000
Нормативная эмансипация	4,63	3,01	6,87	2,40	-4,42	0,000
Поведенческая эмансипация	4,38	2,78	5,99	3,03	-2,82	0,006
Пространственная автономия	3,75	2,68	7,59	3,37	-6,28	0,000
Хобби реакции	7,18	2,64	7,67	2,71	-	-
Интерес к внутреннему миру	5,30	2,95	7,16	2,69	-3,46	0,001
Общий показатель кризиса (max=100)	43,33	14,54	54,35	15,11	-3,81	0,000

Как видно из таблицы 1, у подростков афганской диаспоры общий показатель кризиса находится на среднем уровне и он значимо ниже, чем общий показатель кризиса в российской выборке ($p < 0,001$).

Большинство симптомов у подростков афганской диаспоры выражены в средней ($4 < M < 8$) или низкой степени ($M < 4$), в то время как в российской выборке – в средней степени ($4 < M < 8$). У подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, меньше выраженность таких симптомов, как эмоциональная и нормативная эмансипация, пространственная автономия ($p < 0,001$), аффект неадекватности, реакция оппозиции, поведенческая эмансипация и интерес к внутреннему миру ($p < 0,01$). Не выявлено различий в реакциях имитации, гиперкомпенсации, группирования и в хобби-реакциях. Таким образом, основные различия связаны с меньшими проявлениями реакций эмансипации у подростков афганской диаспоры.

Сравнительный анализ в двух микровозрастных группах (сравнение младших подростков двух выборок и сравнение старших подростков двух выборок) подтвердил, что у подростков афганской диаспоры кризис менее выражен в обоих возрастных диапазонах. Так, у младших подростков афганской диаспоры меньше общий показатель кризиса ($M_1 = 39,10$; $M_2 = 50,97$; $T = -3,18$, $p < 0,01$). Таким образом, у подростков 10-12 лет из афганской диаспоры кризис практически не выражен, в то время как у российских подростков того же возраста его общий показатель уже на среднем уровне. Значимые различия в отдельных симптомах у младших подростков представлены на рисунке 1.

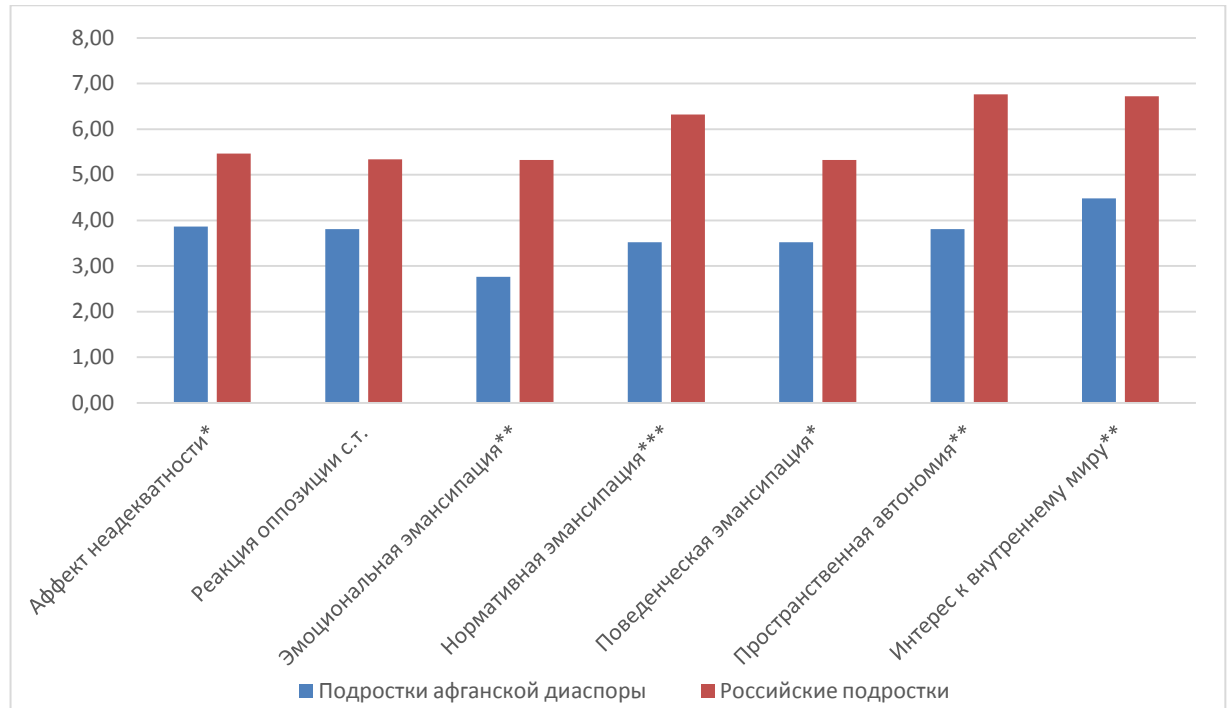

Рисунок 1 – Симптомы подросткового кризиса у младших подростков (10-12 лет) афганской диаспоры в России и у российских подростков

Примечание: условные обозначения: с.т. – $p < 0,1$; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

На рисунке 1 видно, что у младших подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, менее выражены нормативная эмансипация ($p < 0,001$), эмоциональная эмансипация, пространственная автономия и интерес к внутреннему миру ($p < 0,01$), аффект неадекватности и поведенческая эмансипация ($p < 0,05$), а также на уровне статистической тенденции – реакция оппозиции ($p < 0,1$).

У старших подростков афганской диаспоры также меньше общий показатель кризиса ($M_1=48$; $M_2=60,17$; $T=-2,88$, $p < 0,01$). Так, у подростков 13-16 лет из афганской диаспоры кризис выражен на среднем уровне, в то время как у российских подростков – на высоком.

Значимые различия в отдельных симптомах у старших подростков приведены на рисунке 2.

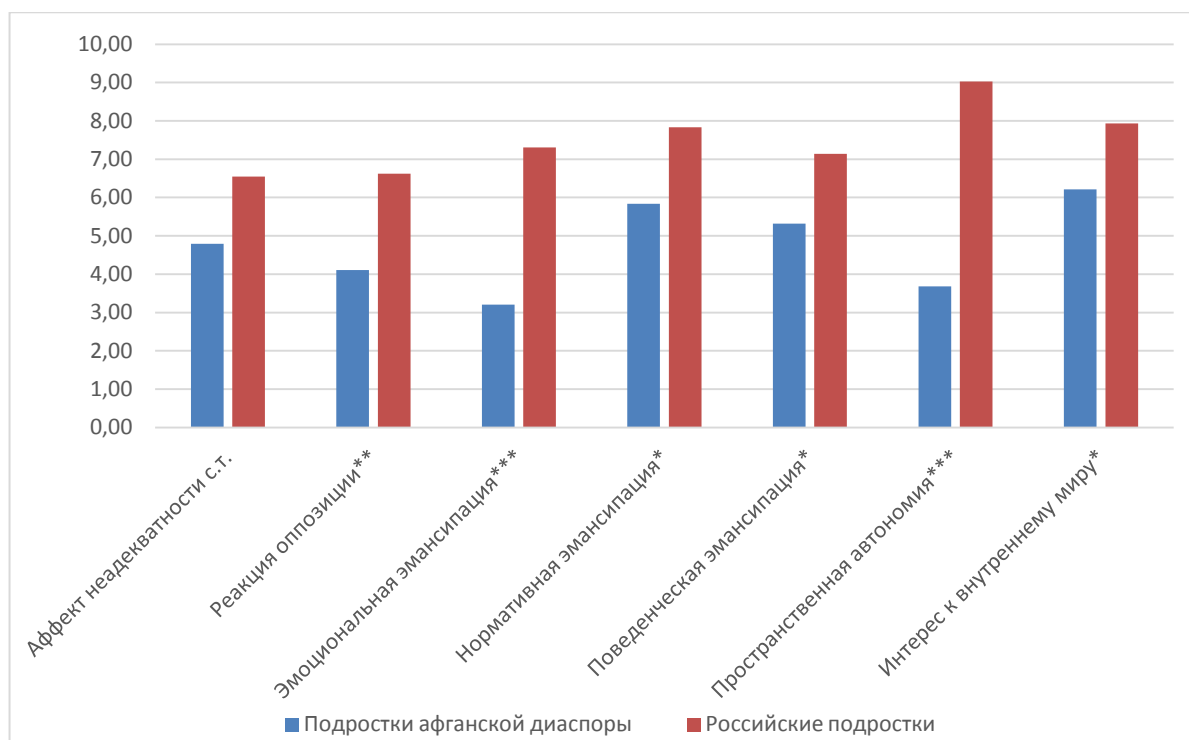

Рисунок 2 – Симптомы подросткового кризиса у старших подростков (13-16 лет) афганской диаспоры в России и у российских подростков

Примечание: условные обозначения: с.т. – $p < 0,1$; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

На рисунке 2 видно, что у младших подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, менее выражены эмоциональная эмансипация и пространственная автономия ($p < 0,001$), реакция оппозиции ($p < 0,01$), нормативная и поведенческая эмансипация, интерес к внутреннему миру ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции – аффект неадекватности ($p < 0,1$).

Таким образом, в обеих возрастных группах выявлены различия по одним и тем же симптомам кризиса. Также следует отметить, что в обеих выборках кризис более выражен у старших подростков по сравнению с младшими.

Так, на выборке подростков афганской диаспоры у старших подростков, по сравнению с младшими, более выражены нормативная эмансипация и поведенческая эмансипация ($p < 0,05$), на уровне

статистической тенденции у них также более выражены общий показатель кризиса, реакция имитации и интерес к внутреннему миру ($p < 0,1$).

На российской выборке у старших подростков по сравнению с младшими более выражены общий показатель кризиса, реакции эмоциональной, нормативной и поведенческой эмансипации, пространственной автономии ($p < 0,01$), и на уровне статистической тенденции – имитации, оппозиции и интерес к внутреннему миру ($p < 0,1$).

Что касается различий по полу, то у подростков афганской диаспоры их не обнаружено. В российской выборке выявлено только одно различие на уровне статистической тенденции – у мальчиков более выражена поведенческая эмансипация ($p < 0,1$).

Итак, можно сделать общий вывод, что в симптоматике подросткового кризиса наиболее выражены кросскультурные различия, также есть возрастные различия, а различий в связи с полом практически нет.

Выявленные кросскультурные различия подтвердили гипотезу о меньшей выраженности кризиса у подростков афганской диаспоры. Можно предположить, что подростки с корнями из Афганистана в силу культурных и религиозных традиций их семей дольше сохраняют авторитет взрослых и, в том числе, родителей. Они меньше стремятся к эмансипации от родителей и в меньшей степени настроены на протест к миру взрослых. При этом следует отметить, что в реальной жизни подросткам в Афганистане чаще приходится взрослеть раньше, в связи с традициями можно предположить, что и семьям афганской диаспоры гиперопека, распространенная в российских семьях (Головей и др., 2014), менее свойственна.

Также следует отметить, что в культуре Афганистана не принято, чтобы подростки открыто выражали свои эмоции, особенно подавление эмоциональности касается мальчиков. Также для этой культуры нехарактерно, чтобы взрослые выслушивали детей и подростков, если у них возникли какие-то психологические проблемы, в таких случаях чаще всего

обращаются к муллам, иногда к врачам. Недостаточное внимание к подросткам делает их более закрытыми и эмоционально незрелыми.

Семьи, проживающие в России, менее радикальны в религиозном плане, но и в них отмечается достаточная закрытость, что, в частности, проявилось и при организации данного исследования – далеко не все семьи афганской диаспоры были готовы разрешить подросткам принять участие в исследовании.

Таким образом, можно предположить, что симптомы кризиса у подростков афганской диаспоры менее выражены по трем причинам: больший авторитет взрослых при традиционном воспитании, подавление эмоциональности и, в то же время, меньшая гиперопека и большие возможности для самостоятельности.

Еще одной из возможных причин менее яркого кризиса у подростков афганской диаспоры может являться то, что наша выборка подростков достаточно хорошо адаптирована в новой среде. Можно предположить, что их адаптированность позволяет им чувствовать себя более уверенно и в детско-родительских отношениях, снижая конфликтность эмансипации.

В то же время, в профиле кризисной симптоматики в обеих группах обнаружено больше сходства, чем различий. Это и ведущий симптом гиперкомпенсации, и преобладание конструктивной составляющей над негативистской. Эти данные согласуются и с другими исследованиями подросткового кризиса, где также выявлено, что по оценкам подростков наиболее выражены у них реакция гиперкомпенсации и хобби-реакции (Рычихина, Василенко, 2018).

Большая выраженность кризиса у старших подростков по сравнению с младшими в обеих группах подтверждает общие возрастные закономерности нарастания эмансипации подростков от взрослых.

Далее рассмотрим результаты исследования образа собственной взрослости у подростков (рисунок 3).

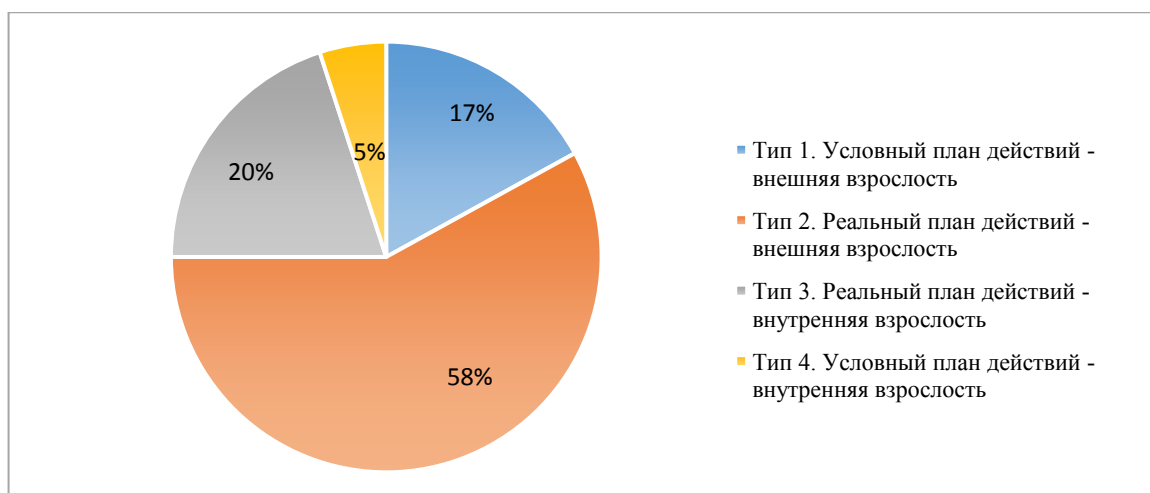

Рисунок 3 – Выраженность типов образа зрелости у подростков афганской диаспоры в России

Как видно на рисунке 3, у подростков афганской диаспоры преобладает второй тип образа зрелости «Реальный план действий – внешняя зрелость» (сочинения этого типа встречались у 58% подростков). На втором месте представлен третий, более зрелый тип «Реальный план действий – внутренняя зрелость» (20%), когда подростки отмечают уже те признаки зрелости, которые важны именно для них. На третьем месте находится первый, самый незрелый тип «Условный план действий – внешняя зрелость» (17%). Менее всего выражен самый зрелый, четвертый тип «Условный план действий – внутренняя зрелость» (5%).

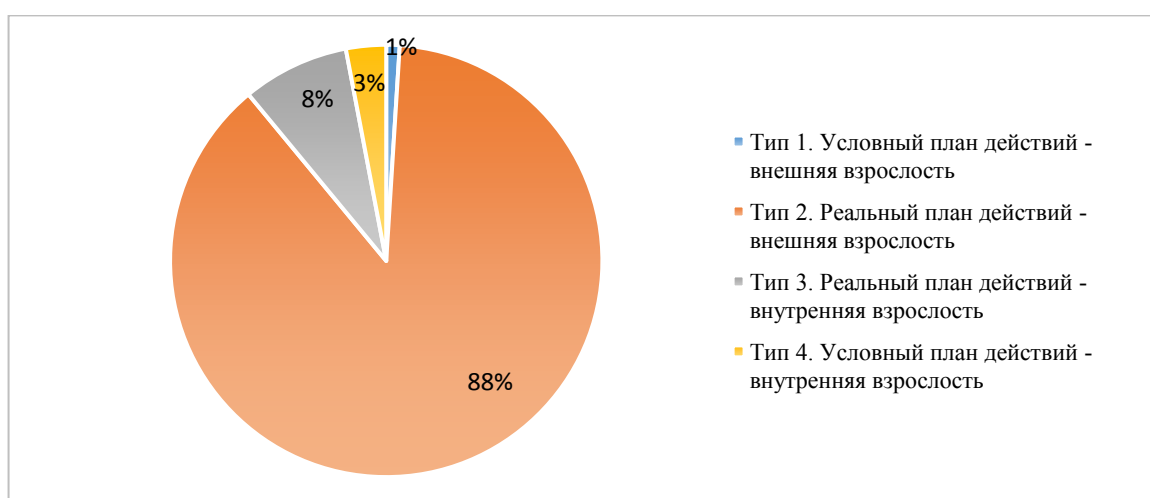

Рисунок 4 – Выраженность типов образа зрелости у российских подростков

У российских подростков вариативность типов меньше. Подавляющее большинство подростков (88%) демонстрируют второй тип образа взрослости, то есть описывают реальные ситуации, связанные с отсутствием контроля, самостоятельными действиями, где признаки взрослости еще социально заданы. Третий тип встречается только у 8% подростков, а четвертый – у 3%. Но при этом практически не встречается первый тип (1%), более характерный еще для младших школьников.

Таким образом, у подростков афганской диаспоры представления о взрослости более разнообразны, они включают как детские, так и более зрелые представления.

Значимых различий в сформированности образа взрослости у подростков афганской диаспоры ($M=2,13$) и российских подростков ($M=2,12$) не обнаружено. Кросскультурный анализ показателей младших подростков, а также старших подростков не выявил различий.

Что касается возрастно-половых различий, то на выборке подростков афганской диаспоры у старших подростков образ взрослости более сформирован, по сравнению с младшими подростками, на уровне статистической тенденции. Различий по полу не выявлено.

На российской выборке возрастно-половых различий не выявлено. Все эти данные подтверждают, что образ взрослости больше связан с индивидуальными особенностями подростков.

Следует также отметить, что если более 20 лет назад данные показывали высокую вариативность разных типов образа взрослости (Курышева, 2000; Поливанова, 2000), то в более поздних исследованиях на российских выборках обычно преобладает второй тип образа взрослости (Рычихина, Василенко, 2018).

Исследование когнитивного компонента Я-концепции показало сходство в образах Я у подростков афганской диаспоры и российских подростков (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели образа Я у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков по методике М. Куна, Т. Макпартленда (в модификации Т.В. Румянцевой)

Параметры образа Я (max=20)	Подростки афганской диаспоры в России (n=40)			Российская выборка (n=36)			Значимость различий	
	Ранг	Ср. знач.	Ст. откл.	Ранг	Ср. знач.	Ст. откл.	Z	Знач.
Социальное Я	41,20	4,45	3,01	35,50	3,83	3,18	-	-
Коммуникативное Я	41,88	0,98	1,14	34,75	0,58	0,94	-	-
Материальное Я	35,44	0,08	0,35	41,90	0,31	0,67	-2,17	0,03
Физическое Я	38,15	1,03	1,79	38,89	0,83	1,18	-	-
Деятельное Я	35,09	1,50	2,01	42,29	2,22	2,42	-	-
Перспективное Я	41,09	0,45	0,90	35,63	0,17	0,45	-	-
Рефлексивное Я	40,14	4,33	3,35	36,68	3,78	3,11	-	-
Проблемная идентичность	37,50	0	0	39,61	0,08	0,37	-	-
Ситуативное состояние	36,94	0,03	0,16	40,24	0,14	0,42	-	-
Количество ответов	41,34	13,10	5,52	35,35	11,97	6,48	-	-
Количество категорий (max=9)	37,99	3,60	1,24	39,07	3,72	1,34	-	-

В обеих выборках на первом месте по выраженности находится категория «Социальное Я», на втором – «Рефлексивное Я», а на третьем – «Деятельное Я», то есть для подростков важны, прежде всего, разные формы групповой идентичности и персональная идентичность, также они идентифицируют себя через деятельность, любимые увлечения.

Гипотеза о том, что социальное Я будет более выражено у подростков афганской диаспоры, на общих выборках не подтвердилась – подростки обеих выборок при идентификации себя довольно часто упоминают себя как члена семьи или социальной группы. Кросскультурный анализ выявил всего одно значимое различие – материальное Я более выражено у российских подростков ($p < 0,05$) – они чаще описывают себя через собственность, оценку своей обеспеченности и, в целом, через отношение к материальному.

В количестве ответов и количестве категорий при описании себя различий не обнаружено.

У младших подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, более представлено социальное Я ($p < 0,01$) и у них больше количество ответов ($p < 0,05$).

У старших подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, более представлено перспективное Я ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции – ситуативное состояние ($p < 0,1$).

Возрастных и половых различий на выборке подростков афганской диаспоры не выявлено.

На российской выборке у старших подростков менее представлено перспективное Я ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции более выражено социальное Я ($p < 0,1$).

Также на российской выборке выявлены различия в связи с полом: у девушек по сравнению с юношами более представлены коммуникативное и перспективное Я ($p < 0,01$) и на уровне статистической тенденции – рефлексивное Я ($p < 0,1$). Также у девушек выше дифференцированность образа Я (у них больше количество категорий при самоописании) ($p < 0,05$).

Эти данные согласуются с результатами исследования В.В. Цветкова, который отмечает, что взросление девочек больше связано с рефлексивными переживаниями и с просоциальной направленностью, открытостью миру (Цветков, 2019).

Исследование самооценки подростков на общих выборках подростков афганской диаспоры в России и российских подростков выявило высокий уровень самооценки по всем шкалам за исключением среднего уровня самооценки авторитета у сверстников у российских подростков (таблица 3).

Таблица 3 – Показатели самооценки у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан

Параметры самооценки (max=100)	Подростки афганской диаспоры в России (n=40)		Российская выборка (n=79)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Т-крит.	Знач.
Самооценка умственных способностей	67,73	17,24	68,78	19,92	-	-
Самооценка характера	66,75	18,93	62,25	23,67	-	-
Самооценка авторитета у сверстников	69,43	23,51	56,29	24,82	2,78	0,006
Самооценка уверенности в себе	63,65	27,40	62,10	25,70	-	-
Средний уровень самооценки	66,89	15,08	62,34	17,83	-	-

Анализ кросскультурных различий на общих выборках выявил только одно значимое различие – у подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, выше самооценка авторитета у сверстников ($p < 0,01$).

Кросскультурный анализ самооценки младших подростков не выявил различий. Что касается старших подростков, то у подростков афганской диаспоры, как и на общей выборке, выше самооценка авторитета у сверстников ($M_1=71,32$ и $M_2=50,69$, $T=2,87$; $p < 0,01$).

Различий в самооценке между младшими и старшими подростками в обеих выборках не обнаружено.

Выявлены различия у подростков афганской диаспоры в связи с полом. Так, у юношей, по сравнению с девушками, выше средний уровень самооценки ($p < 0,01$), а также выше самооценка характера, авторитета у сверстников ($p < 0,01$) и уверенности в себе ($p < 0,05$).

В то же время различий в самооценке российских юношей и девушек не обнаружено.

Таким образом, кросскультурные различия в самооценке проявились в том, что подростки афганской диаспоры, по сравнению с российскими

подростками, выше оценивают свой авторитет у сверстников. Второй вывод связан с тем, что у подростков афганской диаспоры выявились различия в самооценке в связи с полом – самооценка выше у юношей. Эти различия могут быть объяснены особенностями афганской культуры и, прежде всего, связаны с исламом, с его традициями в отношении к полам. По сути, в этих данных мы видим отражение гендерных стереотипов, свойственных исламу.

Далее рассмотрены результаты регрессионного анализа, где в качестве зависимой переменной выступал общий показатель кризиса, а в качестве независимых переменных – показатели образа взрослости и Я-концепции (параметры категорий образа Я, количество категорий и общее количество ответов, отдельные параметры самооценки).

Сначала регрессионный анализ проводился на всей выборке подростков афганской диаспоры. Поскольку процент дисперсии был невысокий, мы провели его затем отдельно для младших и старших подростков афганской диаспоры. Для младших подростков была получена модель с большим процентом дисперсии, для старших подростков не удалось построить модель (в уравнение регрессии не включено ни одной переменной). Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Данные регрессионного анализа для моделей с общим показателем подросткового кризиса на выборке подростков афганской диаспоры в России

Модель для общего показателя кризиса на всей выборке $R = 0,369$ $R^2 = 0,136$			
	Бета	Т-крит.	Знач.
(Константа)		4,34	0,000
Сформированность образа взрослости	0,37	2,45	0,019
Модель для общего показателя кризиса на выборке младших подростков $R = 0,641$ $R^2 = 0,411$			
(Константа)		6,48	0,000
Рефлексивное Я	0,48	2,67	0,016
Уровень самооценки по шкале «уверенность в себе»	-0,43	-2,38	0,029

Как видно из таблицы 4, на общей выборке подростков афганской диаспоры получена модель всего с одним предиктором – сформированность образа взрослости. Модель описывает только 14% дисперсии общего показателя кризиса. На всей выборке подростковый кризис более выражен при более сформированном образе взрослости.

Для младших подростков выявлена модель с двумя предикторами: представленность рефлексивного Я и уровень самооценки по шкале «уверенность в себе» (с отрицательным знаком). Модель описывает уже 41% дисперсии общего показателя кризиса. У младших подростков кризис более выражен при более сформированном рефлексивном Я и при меньшем уровне самооценки по шкале уверенности в себе.

Следует отметить, что рефлексивное Я отражает уровень рефлексии подростка, его самоанализа своих личностных качеств. Рефлексивное Я связано и с образом взрослости, поэтому, в целом, можно сказать, что обе модели дают похожие результаты.

Рефлексия и сформированность образа взрослости являются важными новообразованиями подросткового возраста в целом. Таким образом, полученные данные показывают связь кризисной симптоматики с конструктивными новообразованиями кризиса, что подтверждает идею К.Н. Поливановой о единстве деструктивного и конструктивного компонентов возрастного кризиса (Поливанова, 2000).

Что касается самооценки уверенности в себе, то подростки, в целом, имеют довольно высокий уровень самооценки. Получается, что большая критичность в образе Я-реального по параметру уверенности в себе связана с более выраженным кризисом. Появление критичности самооценки является одним из новообразований подросткового периода.

Далее представлены результаты регрессионного анализа на российской выборке, где также модели получены только на общей выборке и на выборке младших подростков (таблица 5).

Таблица 5 – Данные регрессионного анализа для моделей с общим показателем подросткового кризиса на выборке российских подростков

Модель для общего показателя кризиса на всей выборке $R = 0,242$ $R^2 = 0,058$			
	Бета	Т-крит.	Знач.
(Константа)		12,87	0,000
Уровень самооценки по шкале «характер»	-0,24	-2,10	0,039
Модель для общего показателя кризиса на выборке младших подростков $R = 0,387$ $R^2 = 0,150$			
(Константа)		10,80	0,000
Уровень самооценки по шкале «характер»	-0,39	-2,72	0,009

Как видно из таблицы 5, общий показатель кризиса и на общей выборке российских подростков, и на выборке младших подростков обусловлен только одним предиктором – критичностью самооценки по шкале «характер». При этом процент дисперсии низкий: для общей выборки – 6%, для младших подростков – 15%.

Выводы

1) Проведенное исследование выявило, в целом, сходный профиль кризисной симптоматики у подростков афганской диаспоры в России и российских подростков с наиболее выраженными симптомами гиперкомпенсации и хобби-реакций. Кросскультурные различия проявились в меньшей выраженности у подростков афганской диаспоры кризиса в целом и таких его симптомов, как эмоциональная, нормативная и поведенческая эмансипация, пространственная автономия, аффект неадекватности, реакция оппозиции и интерес к внутреннему миру.

2) Кросскультурный анализ кризисной симптоматики отдельно у младших (10-12 лет) и старших подростков (13-16 лет) подтвердил, что у подростков афганской диаспоры кризис менее выражен в обоих возрастных диапазонах. Так, у младших подростков афганской диаспоры кризис практически еще не выражен, в то время как у российских подростков того

же возраста его общий показатель уже на среднем уровне. У старших подростков афганской диаспоры кризис выражен на среднем уровне, в то время как у российских подростков – уже на высоком.

3) В обеих выборках кризис более выражен у старших подростков, по сравнению с младшими, различий в связи с полом практически не обнаружено.

4) Кросскультурных различий в сформированности образа собственной взрослости у подростков не выявлено – в обеих выборках преобладает второй тип образа взрослости «Реальный план действий – внешняя взрослость». При этом вариативность типов больше у подростков афганской диаспоры.

5) Кросскультурный анализ показателей образа взрослости отдельно у младших и старших подростков также не выявил различий.

6) Что касается возрастно-половых различий в образе взрослости, то их также не обнаружено за исключением того, что на выборке подростков афганской диаспоры на уровне статистической тенденции образ взрослости более сформирован у старших подростков.

7) Исследование когнитивного компонента Я-концепции показало сходство в дифференцированности Я-концепции и в образах Я у подростков афганской диаспоры и российских подростков – в обеих выборках на первом месте по выраженности находится категория «Социальное Я», на втором – «Рефлексивное Я», а на третьем – «Деятельное Я». Кросскультурный анализ выявил всего одно значимое различие – большую выраженность материального Я у российских подростков.

8) В то же время кросскультурный анализ в группах младших и старших подростков выявил ряд различий. Так, у младших подростков афганской диаспоры по сравнению с российскими подростками более представлено социальное Я и у них больше количество ответов при самоописании. У старших подростков афганской диаспоры по сравнению с

российскими подростками более представлено перспективное Я и на уровне статистической тенденции – ситуативное состояние.

9) Возрастно-половые различия проявились только на российской выборке. Так, у старших подростков менее представлено перспективное Я и на уровне статистической тенденции более выражено социальное Я. У девушек, по сравнению с юношами, более представлены коммуникативное и перспективное Я и на уровне статистической тенденции – рефлексивное Я. Также у девушек выше дифференцированность образа Я.

10) Исследование эмоционального компонента Я-концепции выявило, в целом, высокий уровень самооценки подростков, при этом у подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, выше самооценка авторитета у сверстников. Эта закономерность подтвердилась и на выборке старших подростков.

11) Возрастных различий в самооценке не обнаружено. У подростков афганской диаспоры самооценка выше у юношей, по сравнению с девушками, на российской выборке различий в связи с полом не выявлено.

12) Регрессионный анализ на всей выборке подростков афганской диаспоры показал, что подростковый кризис более выражен при более сформированном образе взрослости (модель описывает 14% дисперсии общего показателя кризиса). У младших подростков афганской диаспоры кризис более выражен при более сформированном рефлексивном Я и при большей критичности самооценки по шкале уверенности в себе (модель описывает 41% дисперсии общего показателя кризиса). На всей выборке российских подростков и на выборке младших подростков общий показатель кризиса обусловлен только одним предиктором – критичностью самооценки по шкале «характер» (модели описывают только 6% и 15% дисперсии общего показателя кризиса). У старших подростков обеих выборок моделей не выявлено.

Заключение

Первая гипотеза исследования полностью подтвердилась в части кризисных проявлений – у подростков афганской диаспоры, по сравнению с российскими подростками, отмечается более стертая картина кризисных проявлений, при этом основные различия связаны с меньшими проявлениями реакций эмансипации. Что касается Я-концепции, то вторая часть гипотезы о более выраженном социальном Я у подростков афганской диаспоры подтвердилась только при кросскультурном анализе отдельно для младших подростков.

Вторая гипотеза исследования о параметрах образа взрослости и Я-концепции как о предикторах подросткового кризиса подтвердилась частично и, в большей степени, на выборке подростков афганской диаспоры. Данные на этой выборке показывают единство конструктивной и деструктивной составляющих кризиса – большей зрелости образа взрослости, более выраженному рефлексивному Я у подростков, большей критичности самооценки как личностным новообразованиям сопутствуют и более выраженные кризисные проявления. С учетом того, что в целом на этой выборке кризис мало выражен, эта закономерность представляет особый интерес. Она подтверждает нормативность возрастного кризиса, решение определенных задач развития в этот период. Слабая выраженность кризисных проявлений может свидетельствовать о подавленных или отсроченных реакциях взросления.

На российской выборке предиктором выраженности кризиса оказалась только критичность самооценки. С учетом низкой дисперсии эти данные корректно рассматривать только на уровне тенденции.

К основным ограничениям данного исследования можно отнести недостаточно представительные выборки для кросскультурного анализа, в этом плане данное исследование можно рассматривать как пилотажное. Тем не менее, полученные результаты достаточно показательны и

свидетельствуют о важности дальнейшего изучения кросскультурных различий в протекании подросткового кризиса. Конечно, было бы интересно сопоставить эти данные с исследованием подростков в Афганистане, но по ряду причин это пока не представляется возможным.

В практическом плане важно то, что у подростков афганской диаспоры, также как и у российских подростков, доминирует реакция гиперкомпенсации. Это показывает важность для подростков темы преодоления себя, развития волевых качеств личности, коррекции того, что им кажется недостатками в себе. Это может быть как позитивным фактором развития личности, так и фактором уязвимости, так как может приводить к перенапряжению и психическим срывам.

Учет социокультурных факторов важен как в теории, так и при разработке программ психологической помощи подросткам, в том числе, подросткам афганской диаспоры в России.

Список использованных источников

- Аверин В.А. Психология детей и подростков. СПб., Изд-во Михайлова В.А., 1998.
- Безгодова С.А., Микляева А.В., Терещенко В.В. Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости // Вестник Кемеровского государственного университета, 2018. № 3. С. 77-84. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84>
- Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель-ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика, 2014. № 2. С. 84-95.
- Грибоедова О.И. Самопознание подростков с разным уровнем психологического благополучия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 193-201. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-23>
- Гриценко В.В., Молчанова Н.В. Социально-психологическая адаптация подростков в условиях трудовой миграции их родителей // Вопросы психологии, 2010. № 4. С. 45-54.
- Гриценко В.В., Шустова Н.Е. Социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов. М., Форум, 2016.

- Жданов А.А. Особенности Я-концепции обучающихся подросткового возраста // Психология человека в образовании, 2020. Т. 2. № 3. С. 230-235. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-230-235>
- Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика, 2016. Вып. 1. С. 118-136. URL: <https://psyjournal.spbu.ru/article/view/3772> (Дата обращения: 07.07.2023).
- Конаровский М.А. Афганистан после 2014 года // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2017. Т. 12. № 3. С. 242-253. doi: 10.17323/1996-7845-2017-03-242
- Курышева О.В. Развитие образа взрослости и его влияние на поведение младших подростков в реальных ситуациях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Москва, 2000. 139 с.
- Микляева А.В., Рудыхина О.В., Толкачева А.С. Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости // Интеграция образования, 2023. Т. 27. № 1. С. 100-118.
- Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., Юрайт, 2023.
- Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П. Психозэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2011. № 2. С. 9-20.
- Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М., Академия, 2000.
- Пономарев И.В. Этнокультурный аспект подросткового кризиса: опыт сравнительного исследования: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2009.
- Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко СПб., Речь, 2008.
- Психологическая помощь мигрантам. Травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. М., Смысл, 2002.
- Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М., Педагогика, 1987.
- Психолого-педагогическое сопровождение одаренных учащихся: учебно-методическое пособие / Под ред. Л.А. Даринской. СПб., Изд-во СПбГУ, 2017.
- Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие. СПб., Речь, 2006.
- Рычихина Е.С., Василенко В.Е. Проявления возрастного кризиса у подростков в связи с особенностями детско-родительских отношений // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. СПб., Изд-во СПбГУ, 2018. Т. 6. С. 85-92.
- Цветков В.В. Субъективная оценка взрослости у подростков с разным уровнем психологического благополучия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 724-731. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-90>
- Шаповал И.А. Прочность границ личности: Я-концепция и онтологическая уверенность // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (Дата обращения: 07.07.2023).
- Эльконин Д.Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Вестник практической психологии образования, 2012. Т. 9. № 4. С. 73-75. URL:

- https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Elkonin (Дата обращения: 07.07.2023).
- Becht A.I., Nelemans S.A., Branje S.J.T., Vollebergh W.A.M., Koot H.M., Denissen J.J.A., Meeus W.H.J. The quest for identity in adolescence: Heterogeneity in daily identity formation and psychosocial adjustment across 5 years // *Developmental Psychology*, 2016. Vol. 52 (12). Pp. 2010-2021. <https://doi.org/10.1037/dev0000245>
- Billari F.C., Hiekel N., Liefbroer A.C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood // *European Sociological Review*, 2019. Vol. 35 (5). Pp. 599-615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
- Branje S., De Moor E.L., Spitzer J.E., Becht A.I. Dynamics of Identity Development in Adolescence: A Decade in Review // *Research on Adolescence*, 2021. Vol. 31 (4). Pp. 908-927. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jora.12678> (Дата обращения: 06.07.2023).
- Crocetti E., Klimstra T.A., Hale W.W., Koot H.M., Meeus W. Impact of early adolescent externalizing problem behaviors on identity development in middle to late adolescence: A prospective 7-year longitudinal study // *Journal of Youth and Adolescence*, 2013. Vol. 42. Pp. 1745-1758. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9924-6>
- Crocetti E., Prati F., Rubini M. The interplay of personal and social identity // *European Psychologist*, 2018. Vol. 23. Pp. 300-310. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000336>
- Esnaola I., Sese A., Antonio-Agirre I., Azpiazu L. The Development of Multiple Self-Concept Dimensions during Adolescence // *Journal of Research on Adolescence*, 2020. Vol. 30 (S1). Pp. 100-114. <https://doi.org/10.1111/jora.12451>
- Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered Approach // *Emerging Adulthood*, 2019. Vol. 7 (6). Pp. 411-431. <https://doi.org/10.1177/2167696818777040>
- Gallagher R.V., McLean K.C., Syed M. An integrated developmental model for studying identity content in context // *Developmental Psychology*, 2017. Vol. 53 (11). Pp. 2011-2022. <https://doi.org/10.1037/dev0000299>
- Hasani M. The 'Frozen Transitions' of Young-Ages and the Change in Transition to Adulthood in Iran // *Journal of Sociology of Social Institutions*, 2019. Vol. 5 (12). Pp. 9-38. <https://doi.org/10.22080/SSI.1970.2131>
- Hatano K., Sugimura K., Schwartz, S. J. Longitudinal links between identity consolidation and psychosocial problems in adolescence: Using bi-factor latent change and cross-lagged effect models // *Journal of Youth and Adolescence*, 2018. Vol. 47. Pp. 717-730. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0785-2>
- Kaniūšonytė G., Truskauskaitė-Kunevičienė I., Žukauskienė R., Crocetti E. Knowing who you are for not feeling lonely? A longitudinal study on identity and loneliness // *Child Development*, 2019. Vol. 90. Pp. 1579-1588. <https://doi.org/10.1111/cdev.13294>
- Levey E., Garandeau C.F., Meeus W., Branje S. The longitudinal role of self-concept clarity and best friend delinquency in adolescent delinquent behavior // *Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48. Pp. 1068-1081. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00997-1>
- McLean K.C., Pasupathi M. Processes of identity development: Where I am and how I got there // *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2012. Vol. 12 (1). Pp. 8-28. <https://doi.org/10.1080/15283488.2011.632363>

- Meeus W., Van De Schoot R., Keijsers L., Schwartz S.J., Branje S. On the Progression and Stability of Adolescent Identity Formation: A Five-Wave Longitudinal Study in Early-to-Middle and Middle-to-Late Adolescence // *Child Development*, 2010. Vol. 81. Pp. 1565-1581. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01492.x>
- Morsunbul Ü. The effect of identity development, self-esteem, low self-control and gender on aggression in adolescence and emerging adulthood // *Eurasian Journal of Educational Research*, 2015. Vol. 61. Pp. 99-116. <https://doi.org/10.14689/ejer.2015.61.6>
- Twenge J.M., Campbell K.W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49 (4). Pp. 673-683.
- van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., Meeus W.H.J. A Review and Integration of Three Key Components of Identity Development: Distinctiveness, Coherence, and Continuity // *European Psychologist*, 2018. Vol. 23 (4). Pp. 278-288. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000334>
- van Doeselaar L., Klimstra T.A., Denissen J.J.A., Branje S., Meeus W. The role of identity commitments in depressive symptoms and stressful life events in adolescence and young adulthood // *Developmental Psychology*, 2018. Vol. 54 (5). Pp. 950-962. <https://doi.org/10.1037/dev0000479>
- van Doeselaar L., McLean K.C., Meeus W., Denissen J.J.A., Klimstra T.A. Adolescents' identity formation: Linking the narrative and the dual-cycle approach // *Journal of Youth and Adolescence*, 2020. Vol. 49. Pp. 818-835. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01096-x>
- Wantchekon K.A., Umaña-Taylor A.J. Relating profiles of ethnic-racial identity process and content to the academic and psychological adjustment of Black and Latinx adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*, 2021. Vol. 50 (7). Pp. 1333-1352. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01451-x>
- Yip T., Wang Y., Mootoo C., Mirpuri S. Moderating the association between discrimination and adjustment: A meta-analysis of ethnic/racial identity // *Developmental Psychology*, 2019. Vol. 55 (6). Pp. 1274-1298. <https://doi.org/10.1037/dev0000708>

References

- Averin V.A. *Psikhologiya detei i podrostkov* [Psychology of children and adolescents]. St. Petersburg, Mikhailov V.A. Publ., 1998. (In Russian)
- Bezgodova S.A., Mikliaeva A.V., Tereshchenko V.V. Otnoshenie k vzrosleniiu u starshikh podrostkov Sankt-Peterburga i Smolenska v kontekste ikh zhiznestoikosti [Attitude to Coming-of-Age in Adolescents of Saint-Petersburg and Smolensk in Context of their Resiliency] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018. No. 3. Pp. 77-84. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84> (In Russian)
- Golovei L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E., Engel'gardt E.E. K probleme differentsiatsii osnovnykh poniatii v sisteme otnoshenii «roditel'-rebenok»: teoreticheskii i empiricheskii aspekty [On basic concept differentiation in the «parent-child» system of relations: theoretical and empirical aspects] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2014. No. 2. Pp. 84-95. (In Russian)

- Griboedova O.I. Samopoznanie podrostkov s raznym urovnem psikhologicheskogo blagopoluchiiia [Self-understanding of adolescents with different levels of psychological well-being] // Gertsenovskie chteniia: psikhologicheskie issledovaniia v obrazovanii. 2021. No. 4. Pp. 193-201. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-23> (In Russian)
- Gritsenko V.V., Molchanova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskaiia adaptatsiia podrostkov v usloviiakh trudovoi migratsii ikh roditel'ei [Social and psychological adaptation of adolescents in the conditions of labor migration of their parents] // Voprosy psikhologii, 2010. No. 4. Pp. 45-54. (In Russian)
- Gritsenko V.V., Shustova N.E. Sotsial'no-psikhologicheskaiia adaptatsiia detei iz semei migrantov [Social and psychological adaptation of children from migrant families]. Moscow, Forum Publ., 2016. (In Russian)
- Zhdanov A.A. Osobennosti Ia-kontseptsii obuchaiushchikhsia podrostkovogo vozrasta [Features of the Self-Concept of Adolescent Students] // Psikhologiiia cheloveka v obrazovanii, 2020. Vol. 2. No. 3. Pp. 230-235. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-230-235> (In Russian)
- Zaitseva Iu.E. Ia-narrativ kak instrument konstruirovaniia identichnosti: ekzistentsial'no-narrativnyi podkhod [Self-narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 16. Psikhologiiia. Pedagogika, 2016. Is. 1. Pp. 118-136. URL: <https://psyjournal.spbu.ru/article/view/3772> (Accessed: 07.07.2023). (In Russian)
- Konarovskii M.A. Afganistan posle 2014 goda [Afghanistan After 2014] // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika, 2017. Vol. 12. No. 3. Pp. 242-253. doi: 10.17323/1996-7845-2017-03-242 (In Russian)
- Kuryшева O.V. Razvitie obraza vzroslosti i ego vliianie na povedenie mladshikh podrostkov v real'nykh situatsiiakh [The development of the image of adulthood and its influence on the behavior of younger teenagers in real situations]: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.13. Moscow, 2000. 139 p. (In Russian)
- Mikliaeva A.V., Rudykhina O.V., Tolkacheva A.S. Soderzhanie obrazov «Ia-seichas» i «Ia-vzroslyi» u podrostkov s razlichnymi kharakteristikami lichnostnoi zrelosti [The content of the images "I am now" and "I am an adult" in adolescents with different characteristics of personal maturity] // Integratsiia obrazovaniia, 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 100-118. (In Russian)
- Obukhova L.F. Vozrastnaia psikhologiiia [Age psychology]. Moscow, Iurait Publ., 2023. (In Russian)
- Podol'skii A.I., Karabanova O.A., Idobaeva O.A., Kheimans P. Psikhoemotsional'noe blagopoluchie sovremennykh podrostkov: opyt mezhdunarodnogo issledovaniia [Psycho-emotional well-being of modern adolescents: the experience of an international study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiiia, 2011. No. 2. Pp. 9-20. (In Russian)
- Polivanova K.N. Psikhologiiia vozrastnykh krizisov [Psychology of age crises]. Moscow, Akademiia Publ., 2000. (In Russian)
- Ponomarev I.V. Etnokul'turnyi aspekt podrostkovogo krizisa: opyt sravnitel'nogo issledovaniia [The Ethnocultural Aspect of the Adolescence Crisis: Comparative Research Experience]: dis. ... kand. psikhol. nauk. Moscow, 2009. (In Russian)

- Praktikum po vozrastnoi psikhologii [Workshop on age psychology] / Pod red. L.A. Golovei, E.F. Rybalko. St. Petersburg, Rech' Publ., 2008. (In Russian)
- Psikhologicheskaja pomoshch' migrantam. Travma, smena kul'tury, krizis identichnosti [Psychological support for migrants. Trauma, culture change, identity crisis] / Pod red. G.U. Soldatovoi. Moscow, Smysl Publ., 2002. (In Russian)
- Psikhologiya sovremennogo podrostka [Psychology of the modern adolescent] / Pod red. D.I. Fel'dshteina. Moscow, Pedagogika Publ., 1987. (In Russian)
- Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie odarennykh uchashchikhsia [Psychological and pedagogical support for gifted pupils]: uchebno-metodicheskoe posobie / Pod red. L.A. Darinskoi. St. Petersburg, SPSU Publ., 2017. (In Russian)
- Rumiantseva T.V. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenii v pare [Psychological counseling: diagnostics of relationships in a couple]. Uchebnoe posobie. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. (In Russian)
- Rychikhina E.S., Vasilenko V.E. Proizvoleniia vozrastnogo krizisa u podrostkov v svyazi s osobennostiami detsko-roditel'skikh otnoshenii [Manifestations of the teenage crisis due to the peculiarities of parent-child relationships] // Nauchnye issledovaniia vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU. St. Petersburg, SPSU Publ., 2018. Vol. 6. Pp. 85-92. (In Russian)
- Tsvetkov V.V. Sub'ektivnaia otsenka vzroslosti u podrostkov s raznym urovnem psikhologicheskogo blagopoluchiia [Subjective maturity evaluation of teenagers with different level of psychological well-being] // Gertsenovskie chteniia: psikhologicheskie issledovaniia v obrazovanii. 2019. No. 2. Pp. 724-731. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-90> (In Russian)
- Shapoval I.A. Prochnost' granits lichnosti: Ia-kontseptsia i ontologicheskaja uverennost' [The strength of personality borders: self-concept and ontological confidence] // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya, 2019 No. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (Accessed: 07.07.2023). (In Russian)
- El'konin D.B. Vozrastnye i individual'nye osobennosti mladshikh podrostkov [Age and individual features of younger teenagers] // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia, 2012. Vol. 9. No. 4. Pp. 73-75. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Elkonin (Accessed: 07.07.2023). (In Russian)
- Becht A.I., Nelemans S.A., Branje S.J.T., Vollebergh W.A.M., Koot H.M., Denissen J.J.A., Meeus W.H.J. The quest for identity in adolescence: Heterogeneity in daily identity formation and psychosocial adjustment across 5 years // Developmental Psychology, 2016. Vol. 52 (12). Pp. 2010-2021. <https://doi.org/10.1037/dev0000245>
- Billari F.C., Hiekel N., Liefbroer A.C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood // European Sociological Review, 2019. Vol. 35 (5). Pp. 599-615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
- Branje S., De Moor E.L., Spitzer J.E., Becht A.I. Dynamics of Identity Development in Adolescence: A Decade in Review // Research on Adolescence, 2021. Vol. 31 (4). Pp. 908-927. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jora.12678> (Дата обращения: 06.07.2023).
- Crocetti E., Klimstra T.A., Hale W.W., Koot H.M., Meeus W. Impact of early adolescent externalizing problem behaviors on identity development in middle to late adolescence: A

- prospective 7-year longitudinal study // *Journal of Youth and Adolescence*, 2013. Vol. 42. Pp. 1745-1758. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9924-6>
- Crocetti E., Prati F., Rubini M. The interplay of personal and social identity // *European Psychologist*, 2018. Vol. 23. Pp. 300-310. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000336>
- Esnaola I., Sese A., Antonio-Agirre I., Azpiazu L. The Development of Multiple Self-Concept Dimensions during Adolescence // *Journal of Research on Adolescence*, 2020. Vol. 30 (S1). Pp. 100-114. <https://doi.org/10.1111/jora.12451>
- Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered Approach // *Emerging Adulthood*, 2019. Vol. 7 (6). Pp. 411-431. <https://doi.org/10.1177/2167696818777040>
- Gallagher R.V., McLean K.C., Syed M. An integrated developmental model for studying identity content in context // *Developmental Psychology*, 2017. Vol. 53 (11). Pp. 2011-2022. <https://doi.org/10.1037/dev0000299>
- Hasani M. The 'Frozen Transitions' of Young-Ages and the Change in Transition to Adulthood in Iran // *Journal of Sociology of Social Institutions*, 2019. Vol. 5 (12). Pp. 9-38. <https://doi.org/10.22080/SSI.1970.2131>
- Hatano K., Sugimura K., Schwartz, S. J. Longitudinal links between identity consolidation and psychosocial problems in adolescence: Using bi-factor latent change and cross-lagged effect models // *Journal of Youth and Adolescence*, 2018. Vol. 47. Pp. 717-730. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0785-2>
- Kaniūšonytė G., Truskauskaitė-Kunevičienė I., Žukauskienė R., Crocetti E. Knowing who you are for not feeling lonely? A longitudinal study on identity and loneliness // *Child Development*, 2019. Vol. 90. Pp. 1579-1588. <https://doi.org/10.1111/cdev.13294>
- Levey E., Garandeau C.F., Meeus W., Branje S. The longitudinal role of self-concept clarity and best friend delinquency in adolescent delinquent behavior // *Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48. Pp. 1068-1081. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00997-1>
- McLean K.C., Pasupathi M. Processes of identity development: Where I am and how I got there // *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2012. Vol. 12 (1). Pp. 8-28. <https://doi.org/10.1080/15283488.2011.632363>
- Meeus W., Van De Schoot R., Keijsers L., Schwartz S.J., Branje S. On the Progression and Stability of Adolescent Identity Formation: A Five-Wave Longitudinal Study in Early-to-Middle and Middle-to-Late Adolescence // *Child Development*, 2010. Vol. 81. Pp. 1565-1581. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01492.x>
- Morsunbul Ü. The effect of identity development, self-esteem, low self-control and gender on aggression in adolescence and emerging adulthood // *Eurasian Journal of Educational Research*, 2015. Vol. 61. Pp. 99-116. <https://doi.org/10.14689/ejer.2015.61.6>
- Twenge J.M., Campbell K.W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49 (4). Pp. 673-683.
- van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., Meeus W.H.J. A Review and Integration of Three Key Components of Identity Development: Distinctiveness, Coherence, and Continuity // *European Psychologist*, 2018. Vol. 23 (4). Pp. 278-288. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000334>
- van Doeselaar L., Klimstra T.A., Denissen J.J.A., Branje S., Meeus W. The role of identity commitments in depressive symptoms and stressful life events in adolescence and young

- adulthood // *Developmental Psychology*, 2018. Vol. 54 (5). Pp. 950-962. <https://doi.org/10.1037/dev0000479>
- van Doeselaar L., McLean K.C., Meeus W., Denissen J.J.A., Klimstra T.A. Adolescents' identity formation: Linking the narrative and the dual-cycle approach // *Journal of Youth and Adolescence*, 2020. Vol. 49. Pp. 818-835. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01096-x>
- Wantchekon K.A., Umaña-Taylor A.J. Relating profiles of ethnic-racial identity process and content to the academic and psychological adjustment of Black and Latinx adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*, 2021. Vol. 50 (7). Pp. 1333-1352. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01451-x>
- Yip T., Wang Y., Mootoo C., Mirpuri S. Moderating the association between discrimination and adjustment: A meta-analysis of ethnic/racial identity // *Developmental Psychology*, 2019. Vol. 55 (6). Pp. 1274-1298. <https://doi.org/10.1037/dev0000708>